

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Хейнц Шрётер

СТАЛИНГРАД

ВЕЛИКАЯ БИТВА
ГЛАЗАМИ ВОЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

1942–1943

Хейнц Шрётер Сталинград. Великая битва глазами военного корреспондента. 1942-1943

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=610885

Сталинград. Великая битва глазами военного корреспондента.

1942-1943: Центрполиграф; Москва; 2004

ISBN 5-9524-1292-0

Аннотация

Книга немецкого военного корреспондента о битве под Сталинградом образно и точно воспроизводит драматическую обстановку великой битвы, явившейся переломным моментом Второй мировой войны. Автор пользуется многочисленными свидетельствами очевидцев и выдержками из архивных документов, с немецкой педантичностью приводит объективные данные о количестве вооружения и потерях воюющих сторон.

Содержание

Предисловие	4
Вступление	20
За сорок восемь часов до...	25
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Хайнц Шрётер Сталинград. Великая битва глазами военного корреспондента. 1942-1943

Предисловие

Когда бывший военный корреспондент Хайнц Шрётер в 1948 году опубликовал свою книгу «Сталинград – до последнего патрона», его произведение неожиданно нашло широкий отклик среди читателей. Можно было бы предположить, что для немцев спустя три года после окончания войны существовали более важные вещи, чем события, связанные с Третьим рейхом, однако потребность в информации о битве за Сталинград была явно слишком велика. В течение десяти лет вышли в свет восемь изданий данной книги, при этом люди с интересом читали не только о солдатах, офицерах и генералах, имевших какое-либо отношение к Сталинграду. Не в меньшей степени их интересовала судьба многочисленных немецких военнопленных, находившихся к тому времени еще в советском плену. Интерес был всеобщим, так как Сталинград являлся символом не только для граждан Совет-

ского Союза, но и для немцев: для одних это было начало конца, для других – начало победного шествия.

После капитуляции 6-й армии 31 января 1943 года национал-социалистическая пропаганда постоянно твердила о жертве, принесенной немецкими солдатами, и восхваляла их как героев, которым свойственны такие военные добродетели, как честь, храбрость, товарищество, верность долгу и любовь к Отечеству. Что же произошло на самом деле, оставалось в то время тайной, скрытой под пропагандистским покрывалом. После падения Третьего рейха люди, воспитанные в мире, где господствовали данные понятия, пытались найти для себя рациональные объяснения событиям недавнего прошлого. Несмотря на то что книга Шрётера не являлась законченным научным трудом, она все же удовлетворила желание людей знать правду. Для женщин, чьи сыновья и мужья «остались в Сталинграде», книга явилась откровением, однако при этом они все же не теряли надежду на возвращение своих родных, пропавших без вести. К тому времени в Германии никто не знал, какое количество немецких солдат оказалось в советском плену, и никто не мог предположить, что вернутся из плена лишь около 6000 человек. Когда в 1955 году последние военнопленные прибыли в Федеративную Республику, никто из них уже не придавал значения тому ордену, который Гитлер когда-то хотел им вручить: орден за Сталинград, наряду с соответствующими орденами за Крым, Нарвик и Холм, должен был стать отличительным

наградным знаком героев Сталинграда. Первый проект ордена, разработанный командиром особого подразделения и военным художником Эрнстом Айгенером, не был одобрен ставкой Гитлера: изображение мертвого солдата в каске с намотанной вокруг нее колючей проволокой на фоне руин города на Волге имело явное сходство с распятым Христом.

Сразу же после гибели немецкой армии в Сталинграде отдел пропаганды Главного штаба Верховного главнокомандования вермахта поручил Хайнцу Шрётеру написать «книгу о Сталинграде», чтобы рассказать немецкому народу о его героях, сражавшихся под Сталинградом. Поскольку за этим поручением стоял приказ фюрера, все службы вермахта с готовностью предоставляли документы, необходимые для создания данного произведения. Уже в июне 1943 года Шрётер представил рейхсминистру народного образования и пропаганды первые результаты своего труда, однако Геббельс отказал в публикации, так как книга не оправдала его ожиданий. Как он выразился, «немецкий народ этого не перенесет», после чего рукопись исчезла. Действительно, вряд ли можно было гордиться тем, что было написано Шрётером в его книге. Одни только письма участников Сталинградской битвы, пришедшие из окружения последней почтой 20 января 1943 года и включенные в текст книги, разоблачали национал-социалистическое руководство Германии: они скорее говорили о пораженчестве, чем способствовали усилению сознания победы. На обрывках бумаги, на обратной

стороне штабных карт, на телеграфной бумаге и на внутренней стороне конвертов, полученных от своих родственников, солдаты за несколько дней до своей смерти или взятия в плен писали о том, о чем они думали и что чувствовали в те часы. Разочарование и оптимизм – вот что в первую очередь характеризовало тогда их состояние, но при этом они не оставляли надежду выжить.

Сразу же после окончания войны Хайнц Шрётер задался целью вновь написать «книгу о Сталинграде», используя для этого уцелевшие обрывки своей рукописи, собственные записи, информацию от других людей и фрагменты документальных источников. Его попытка увенчалась большим успехом. С каждым новым изданием все больше и больше солдат различных званий и должностей предоставляли в его распоряжение свои собственные записи. Для того чтобы наглядно показать страдания, выпавшие на долю участников битвы под Сталинградом, Шрётер использовал фотографии военных корреспондентов, находившихся тогда в Сталинграде.

Спустя пятьдесят лет после Сталинградской катастрофы появились тысячи публикаций на данную тему. В пятидесятых годах вышли в свет оправдательные воспоминания «всезнающих» офицеров с одной стороны и заставляющие задуматься размышления других офицеров с другой стороны. Основной темой этих рассуждений прежде всего стояла солдатская ответственность, оправданность военного послушания и смысл политического примата. Вслед за этими публи-

кациями появились многочисленные газетные статьи о возникших во время Сталинградской битвы проблемах, связанных с материально-техническим снабжением войск или носивших оперативный характер. В связи с запланированным созданием Европейского оборонного союза и включением Федеративной Республики Германии в НАТО обсуждались также проблемы взаимодействия пяти армий различных национальностей на Донском фронте. Исторические исследования дополнились темой о Сталинградской битве лишь после того, как были возвращены западными союзниками конфискованные ими источники. Документальное произведение Манфреда Керинга «Сталинград. Анализ и документы одной битвы» вышло в свет в 1974 году. За семь лет до этого А.М. Самсонов в своей книге изложил советскую точку зрения о Сталинградской битве. В рамках издания о Великой Отечественной войне Академия наук СССР выпустила в 1980 году том, посвященный Сталинграду.

Прошло полвека с того дня, когда сомкнулось кольцо окружения вокруг 6-й армии под Сталинградом. Советский Союз, одержавший победу в войне, распался, государство стало банкротом, его идеология оказалась проигрышной и чуждое человеку ненавистнической. Бывшие герои нации, победители в Сталинградской битве, – сегодня не просто пожилые люди, это люди, оказавшиеся в постыдной для них ситуации и вынужденные влачить жалкое существование на нищенскую пенсию. Ордена, которыми они в свое время бы-

ли награждены, вероятнее всего, проданы туристам, может быть, даже немецким. Они так и не знают до сих пор, сколько их товарищей погибло в Сталинграде, поскольку не было ни одного официального, проверенного списка погибших или пропавших без вести. Они все еще надеются когда-нибудь познакомиться с этими данными и многими другими откровенными документами. Рассчитывать на свободное от идеологии отображение событий в Сталинграде можно будет лишь тогда, когда ученые получат доступ к московским архивам, но может случиться так, что к тому времени последних героев Сталинграда уже не будет в живых.

Символ битвы под Сталинградом, который впоследствии был переименован в Волгоград, останется неизменным, и на него вряд ли повлияют какие-либо неприятные сведения разоблачающего характера, которые ожидаются также и российской стороной. Памятник Сталинградской битве не будет разрушен, как это было сделано с монументами советских вождей и их приспешников.

Во вновь объединенной Германии интерес к событиям 1942–1943 годов под Сталинградом, похоже, сошел на нет. В молодом поколении западной части страны благодаря школе и средствам массовой информации прочно укоренилось мнение, что гитлеровские солдаты понесли справедливое наказание. Что они потеряли между Доном и Волгой? Кроме того, они могли и дезертировать, и перейти на сторону Красной армии: подобные рассуждения вполне могли бы угото-

вить им место даже среди противников Третьего рейха. В отношении захватчиков, выступивших против миролюбивого Советского Союза, не следует выражать ни симпатии, ни сожаления. 50-летнюю годовщину начала Второй мировой войны средства массовой информации преподнесли исключительно с точки зрения исторической вины Германии, однако спустя несколько недель после этого события перед советской империей был сорван «железный занавес», что абсолютно не было на руку тем, кто вновь предрекал социализму большое будущее. Теперь для каждого было ясно, что социалистическое содружество, взвалившее на свои плечи непомерный груз вооружения, потерпело крах.

Само стремление восточных немцев узнать историческую правду о Второй мировой войне после многих лет идеологически мотивированной дезинформации оправдывает такие публикации, которые не только объясняют суть дела, но и обращаются к эмоциям читателей. Никто не сможет прочесть книгу Шрётера и не задуматься при этом о прочитанном.

Сталинград как город, ознаменованный исторической битвой, не исчезнет из анналов военной истории, как это случилось с Градец-Кралове (Чехия) или Аустерлицем и Йеной. Вопрос о том, постигнет ли погибших под Сталинградом когда-нибудь та же участь забвения, что и солдат, павших в других прошлых битвах, можно отнести к одному из вопросов, которые задавал себе штабной врач в своей операционной палатке на Рождество 1942 года, видя вокруг себя мно-

гочисленные страдания раненых. До тех пор пока отзвуки Второй мировой войны не умолкнут на политической арене современности, на этот вопрос можно ответить отрицательно. Крушение победоносных планов в 1945 году с возрождением национализма в Центральной и Восточной Европе, а также неустранимые последствия деколонизации после Второй мировой войны останутся в сознании еще многих поколений.

До тех пор пока Вторая мировая война будет расцениваться как поворотный пункт во всемирной истории, Сталинград останется предметом дискуссии как переломный момент в ходе этой войны.

В спорах по вопросу о том, какое событие Второй мировой войны ознаменовало переход немецкой армии от побед к поражениям, в течение десятилетий большую роль играла политика. В период «холодной войны» на Западе завидовали успеху Советов. В то время утверждение, что несостоявшаяся высадка немецких войск в Великобритании в конце лета 1940 года могла быть решающим событием в ходе войны, находило больший отклик, чем аналогичные советские выступления в пользу Сталинграда. Кроме того, это благотворно сказывалось на национальном сознании британцев. В США стремились к тому, чтобы изобразить решающим событием свое собственное вступление в войну в декабре 1941 года после нападения японцев на Пёрл-Харбор. В Германии было немного людей, которые ссылались на итальянцев и считали,

что самовольное нападение Муссолини на Грецию в октябре 1940 года было началом конца. В отличие от этих народно-просветительных попыток объяснения важного события войны историческая наука едина в том, что «смена прилива и отлива», как это сформулировал Лиддел Гарт, произошла в ноябре 1942 года. При этом не остаются без внимания высадка американских войск в Марокко 8 ноября 1942 года и успешные наступательные операции британских войск под Эль-Аламейном, начавшиеся после 20 октября 1942 года. Но самый значительный удар по немецкому военному каркасу был нанесен в результате советского наступления и перехода через Дон 19 ноября 1942 года под Клетской. В эти решающие недели Гитлер находился далеко от центральных командных постов. Главнокомандующий вермахтом, после того как 9 ноября 1942 года произнес свою традиционную речь по поводу годовщины путча 1923 года в мюнхенской пивной, находился в Оберзальцберге в Верхней Баварии, откуда и наблюдал за отходом Роммеля из Египта и Ливии, за расширением американского плацдарма в Северной Африке и окружением 6-й армии Паулюса. Начался закат звезды «самого великого полководца всех времен». С этого момента Гитлеру понадобилось всего лишь два с половиной года, чтобы привести к гибели вермахт и Третий рейх.

Причины, приведшие к поражению в Сталинграде, исследованы до мелочей. Разногласия касаются лишь значимости той или иной причины, а поскольку выяснение этого вопро-

са послужит пониманию данной книги, приведем несколько самых важных из них:

1. После успехов группы армий «Юг» в Крыму и захвата Харькова Гитлер был убежден, что Красная армия разбита, и решил разделить группу армий «Юг» на группу армий «А» и группу армий «Б». В результате такого разделения сил одна из групп была не в состоянии завоевать Кавказ, а другая – захватить территорию на Волге.

2. На основании предостережений относительно громадного экономического потенциала США, который американцы могли использовать и в пользу СССР, Гитлер принял решение после захвата украинской житницы и каменноугольных шахт и металлургических заводов Донбасса овладеть также нефтяными источниками Кавказа. Продвижение группы армий «А» к Эльбрусу и Моздоку, однако, сильно застопорилось, прежде чем цель была достигнута, что привело к опасному увеличению протяженности путей подвоза. Кроме того, северный фланг группы армий оставался без прикрытия. После советского наступления на Дону в ноябре и декабре 1942 года окружение этих немецких группировок уже было неизбежным. Группе армий «Б», лишенной подвижных танковых соединений, не удалось захватить Сталинград внезапным ударом, как это было запланировано. После преодоления четырех линий обороны на подступах к городу натиск наступления немецкой армии значительно ослаб, а в ходе последующих уличных боев в черте города потери немецкой

пехоты были непомерно велики, так как артиллерия и авиация не оказывали необходимой поддержки, а танки были лишены возможности проведения каких-либо операций.

3. Северный и южный фланги 6-й немецкой армии защищали румынские и итальянские части, в составе которых не было немецких подразделений, как этого требовало обычное правило ведения войны с участием многонациональных армий. В данном случае речь шла о чисто национальном составе данных армий, которыми командовали соответственно румынские или итальянские военачальники. Вооружение этих армий было недостаточным, в частности, не хватало современных танков и эффективного противотанкового оружия. Артиллерия состояла из трофейных орудий. Степень подготовки был значительно ниже, чем у немецких частей.

4. Наступление Красной армии с целью окружения 6-й армии было направлено против 3-й и 4-й румынских армий и 8-й итальянской армии. Каждой из них предстояло защищать тактически невыгодно расположенный, почти необорудованный (с разных точек зрения) и незащищенный участок фронта протяженностью свыше 200 километров. Так, например, 4-я румынская армия имела на вооружении только 34 тяжелых противотанковых орудия с дальностью стрельбы 7,3 километра. Обещания немецкого командования снабдить армии союзников Германии современным оружием так и не были выполнены.

5. Военные командные инстанции, в частности начальник

штаба командования сухопутных войск, не могли повлиять на Гитлера, хотя имели профессионально обоснованные военно-тактические и оперативные аргументы. Гитлер отклонил их предложение остановить бои в Сталинграде, отвести 6-ю армию на линию обороны, которая могла бы сэкономить ей силы, и усилить фланги с обеих сторон Сталинграда. Он запретил прорыв 6-й армии из окружения, поверив заверениям командующего люфтваффе рейхсмаршала Геринга, что окруженная армия сможет получить поддержку с воздуха.

6. Против отвода 6-й армии Гитлер выступал также и потому, что боялся потерять свой авторитет в немецком народе. В пивном подвале в Мюнхене 8 ноября 1942 года, выступая перед своими старыми соратниками, он заявил, что уже завоевал Сталинград – «гигантский перевалочный пункт». Город, носивший имя политического противника, был для фюрера «гипнотизирующим символом». Интенсивные сообщения о боях под Сталинградом, длившихся месяцами, повышали чувствительность немецкого народа в отношении исхода Сталинградской битвы. Слава Гитлера как полководца и миф вождя не допускали военного поражения.

7. Снабжение по воздуху армии, насчитывавшей 300 000 солдат, было обречено на провал. Состояние захваченных аэродромов, равно как и непредвиденные погодные условия, с самого начала делали невозможной доставку самолетами в район окружения под Сталинградом 350 тонн груза ежеднев-

но. Советские самолеты и части противовоздушной обороны препятствовали немецкой авиации как подлетать к окруженной территории, так и вылетать с нее; в результате воздушных бомбардировок были уничтожены взлетные и посадочные полосы. Транспортировке препятствовало буквально все: население города, плотный туман, обледенения на дорогах и метели.

8. Когда 4-я танковая армия 8 декабря 1942 года начала пробивать брешь в окружении Сталинграда с южного направления с целью деблокации, 6-я армия даже не делала попыток прорваться навстречу, так как была почти парализована. Горючего хватало максимум на 40 километров. Лошади еще до окружения были сданы на зимнюю базу для кормления.

9. Массированное развертывание Красной армии осталось незамеченным для немецкой разведки. Отдел разведки по иностранным армиям «Ост» предполагал в октябре 1942 года, что Красная армия готовила свое главное наступление на среднем участке Восточного фронта. Еще 31 октября 1942 года «подготовительные операции для мощного наступления не были замечены ни на одном участке». Большое количество советских танковых бригад оставалось для немецкой разведки скрытым. Абвер не хотел думать о какой-либо операции по окружению со стороны советских войск.

10. Советское производство оружия было недооценено

немецким командованием. Предположение о том, что за Уралом ежедневно с конвейера сходят 700 танков, вызывало у Гитлера смех. Согласно советским данным, в течение трех недель до начала наступления на плацдармы западнее и южнее Волги были транспортированы 160 000 солдат, 10 000 лошадей, 430 танков, 6000 орудий и 14 000 прочих боевых машин. В наступлении 19 ноября 1942 года участвовали 1 миллион солдат, 6582 орудия, 11 564 миномета, 1041 зенитка, 1400 многоствольных реактивных установок, 1560 танков и 41 413 машин. 85 000 грузовиков были предоставлены американцами в качестве помощи в соответствии с законом о ленд-лизе.

11. В состав 3-й и 4-й румынских и 8-й итальянской армий, чьи отступления скорее напоминали бегство, впервые были включены подразделения люфтваффе. Несмотря на то что они были оснащены вооружением сухопутных войск, их боевой потенциал в пехотном бою вызывал большое сомнение, прежде всего, потому, что этими подразделениями командовали офицеры и унтер-офицеры люфтваффе, которые мало разбирались в тактике ведения наземного боя.

Предложение Красной армии о почетной капитуляции было отклонено 8 января 1943 года командующим 6-й армией генерал-полковником Паулюсом, после чего Красная армия приступила к отвоевыванию Сталинграда. В конце января остатки немецкой армии были расколоты на две окру-

женные части в руинах города на небольшой территории. 31 января 1943 года Паулюс, которому незадолго до этого было присвоено звание фельдмаршала, капитулировал, находясь в южной части окруженной армии. 2 февраля 1943 года закончились бои с северной частью немецкой армии. К этому моменту количество погибших немецких солдат достигало 58 000. 34 000 раненых удалось вывезти на самолетах. 201 000 солдат и офицеров оказалась в советском плену.

Пропаганде командования рейха не удалось превратить поражение под Сталинградом в победу. Козлом отпущения был объявлен командующий 48-м танковым корпусом генерал-лейтенант Гейм, которому не удалось помешать Красной армии вклиниться в 3-ю румынскую армию. Гейм был уволен из вермахта и до апреля 1943 года находился в предварительном заключении. Гитлер оправдал свои решения, приведшие 6-ю армию к гибели, следующим образом: «Жертва 6-й армии была необходима для того, чтобы можно было создать новый фронт, а в том, что снабжение армии по воздуху сорвалось, виноваты погода, рано наступившая, беспощадная холодная зима. Это была сила свыше, судьба отвернулась от Германии, пути Всевышнего неисповедимы».

Рейхсминистр народного просвещения и пропаганды д-р Й. Геббельс использовал гибель 6-й армии для того, чтобы призвать немецкий народ быть готовым к новым трудностям. В своей известной речи, прозвучавшей во Дворце спорта 18 февраля 1943 года, он объявил «тотальную войну». Удач-

но подобранная публика приветствовала его речи ликованием. Если посмотреть об этом фильмы, показываемые по телевидению, то данная реакция непостижима с точки зрения разума: она еще раз доказывает, что в тоталитарных государствах ловкая пропаганда может манипулировать людьми как угодно. Население бывшей ГДР, жившее на 40 лет дольше под звуки дурманящего пропагандистского колокола, чем население Федеративной Республики Германии, согласится с этим высказыванием.

Профессор, д-р В. Зайдлер
Университет бундесвера, Мюнхен

Вступление

Дни и недели, расположенные по человеческому исчислению времени между 19 ноября одного года и 2 февраля последующего года, всегда будут иметь свою историю, но именно эти семьдесят шесть дней и ночей 1942-го и 1943 годов данного периода еще долго будут нести на себе отпечаток рокового слова «Сталинград».

О Сталинграде уже много сказано, написано и пролито слез, и я думаю, что тот, кто решился написать о погибшей 6-й армии, должен руководствоваться чувством справедливости и не отделять слово от слова и истину от истины. Слово и истина всегда будут нести в себе горечь. Данная книга уже была однажды написана в 1943 году, со всеми открытыми и секретными документами верховного немецкого главнокомандования по распоряжению д-ра Геббельса и от имени Адольфа Гитлера. Когда министру народного просвещения и пропаганды были представлены данные, повествующие об истории невернувшихся 22 дивизий, он пришел в ужас от прочитанной информации, и его можно было понять, когда он произнес: «Немецкий народ этого не перенесет».

Прошло много лет. Зарубцевались раны, нанесенные войной телам и сердцам, великое странствие с севера на юг и с востока на запад постепенно проходит, дома вновь обрели крыши, а в душах воцарился мир. Немецкий народ перенес

трагедию Сталинграда.

Перенес, но не забыл!

Тогда двести двадцать тысяч думали, что придут в Сталинград на неделю или на месяц, а остались там навсегда. Сто двадцать три тысячи отправились в плен, пробрели шестью колоннами через Дубовку, Кисляков, Переполни и Гумрак до Бекетовки, а оттуда – в потерянные годы своей жизни или в небытие.

Когда казавшаяся бесконечной колонна полуголодных и полузамерзших солдат направлялась в плен, на краю дороги стояли коммунисты Ульбрихт, Бредель и Вайнерт, которых трудно было узнать в русских шубах. Никто их не видел, но они и сами не хотели, чтобы их узнали.

Из ста двадцати трех тысяч до сих пор вернулись пять тысяч – больше, пожалуй, никто не вернется. 6-я армия закончила свой марш.

Вопрос о необходимости примера Сталинграда с самого начала стоял на повестке дня дискуссий и никогда не снимался с нее, поскольку ответ на него так и не был дан.

После краха немецкой армии от Волги до участка восточнее Курска в результате разгрома армий союзников Германии русские войска получили полную свободу действий по направлению к Черному морю и низовьям Днепра. У них создалась возможность окружить и уничтожить весь южный фланг немецкой армии, включая группу армий на Кавказе, однако такая возможность могла быть реализована лишь в

том случае, если все силы будут освобождены для удара в глубину фронта противника. Если бы 6-я армия после окружения не оказывала длительного, отчаянного сопротивления, то войска противника еще до подхода немецких резервов стали бы более активными. Без жертвы 6-й армии создание нового фронта было бы невозможным, иначе это наверняка привело бы миллионную армию к гибели.

Я хотел бы выразиться короче.

Сталинград не был военной необходимостью, но явился результатом ошибки Верховного главнокомандования, создавшей в конце осени 1942 года на длительное время такое положение, которое предоставляло русским шанс для любых действий. Запрет немедленного прорыва окружения был следующей ошибкой, так как такой прорыв собственными силами, если бы он был осуществлен приблизительно до 24 ноября, имел бы шансы на успех. После того как попытка 4-й танковой армии прорвать блокаду потерпела крах, немедленная капитуляция, напротив, имела бы самые серьезные последствия для группы армий «Дон» и, прежде всего, для группы армий «А». Гитлер мог бы избавить армию от самого последнего боя, начавшегося приблизительно 20 января.

Для многих подобный ответ не соответствует их представлениям о той картине, которую они хотели бы видеть, однако этот ответ следует воспринимать не на общественном уровне, а с учетом мнения тех, кто наблюдал за взаимодействием сил дивизий, корпусов и армий. Когда беда касается всех,

а душа, сама превратившаяся в арену боевых действий, раскрывается, призывая к участию как в простых, так и в сложных событиях, сразу проявляются все оттенки и варианты человеческого поведения!

Страх и храбрость, разрывающееся сердце и стиснутые зубы, суровый смех и беспомощные слезы, прямая осанка и разочарованность, дисциплина и трусость.

В этой книге пойдет речь о страдании и большом горе, но не о жалобе.

Я не знаю, как долго длятся те несколько дней или несколько недель, когда человек умирает, я не знаю также, достанется ли ему после смерти похвала или упрек, но я думаю, что тот, кто в Сталинграде приобрел вечный покой и предстал пред Господом Богом, – с него снимутся и тяжесть последних дней его земной жизни, и предсмертные муки.

Тот, кто читает эти строки, потрясенный может отложить книгу в сторону, перекреститься и сказать себе: «Слава богу, что я там не был», или проклясть тех, чья чаша жизни, по его мнению, отяжелела от вины.

Слова следует понимать в соответствии с тем, что под ними подразумевается. Каждый может забыть или вспомнить то, что он хочет, или же подумать о том, как он себе представляет, чтобы это было правильно. Если в ком-либо начинает расти ненависть, то ему следует подумать о том, что любая вина кроется в несовершенстве человеческого сознания, а если хочется построить в душе памятник, стоящий на фун-

даменте самой простой любви, то не следует покрывать его позолотой.

Хайнц Шрётер,

военный корреспондент 6-й армии

За сорок восемь часов до...

Довольно большая комната вровень с землей справа от входа в Крефельдский отель. В углу сдвинуты столы, на которых стоят стулья, на стене – картина с изображением Фербеллинской битвы, перед полотном – командующий сухопутными войсками генерал-полковник фон Браухич, в нескольких шагах от него стоят два генерал-полковника, четыре генерала, полковник, капитан, обращенные лицом к великому курфюрсту; итак, два командующих армиями, четыре командующих корпусами, начальник сторожевой службы и командир штурмового соединения особого назначения 100. Время – 8 мая 1940 года.

Почти лишенный губ узкий рот командующего практически не движется.

– Вскоре вам предстоит совершить военный поход и встретиться с противником, который с военной точки зрения таковым не является. То, что вас ожидает по ту сторону реки Маас, также не является тайной. Следует позаботиться о том, чтобы без потерь времени вывести из строя тяжелые огневые сооружения противника, используя новую тактику неожиданного нападения. Мы знаем о французах то, что они храбры, но это не их война. Еще на бельгийской земле вы столкнетесь с англичанами. Мы мало знаем о количестве боевого состава, вооружении и времени, но мы отделим фран-

цузов от англичан и уничтожим их по отдельности. О новой тактике применения наших бронетанковых войск не знают ни те ни другие, а это означает их поражение. Я полагаю, что самое позднее через тридцать дней вся ситуация изменится в нашу пользу. С вами и с вашими солдатами Бог.

Спустя четверть часа командующий отвел в сторону генерал-полковника фон Рейхенау, произведенного в этот чин 1 октября 1939 года.

– Рассчитывайте на выступление послезавтра, господин фон Рейхенау.

Это послезавтра оказалось расплывчатым сроком: шестнадцать раз планировалось наступление на западе, и шестнадцать раз срок наступления переносился; с 1939 года 6-я армия ждала дня «Х».

«Теперь этого послезавтра не избежать», – сказал командующий про себя, обращаясь к 6-й армии, и подумал при этом о совещании 23 ноября предыдущего года в берлинской имперской канцелярии, где присутствовали командующие всеми группами армий, и вспомнил слова Гитлера о необходимости наступления. Он подумал также о том, что Гитлер не упомянул ни словом о докладной записке, которую ему незадолго до этого представил Рейхенау. Тогда генерал фон Рейхенау в своей записке дословно говорил: «Мой фюрер, я верю в Вашу удачу, но Вам не следует без нужды бросать вызов. Я могу лишь указать на развертывание войск противника и сказать, что было бы преждевременным, если

мы выступим сегодня, имея более слабые силы».

Тогда же генерал Канарис, начальник немецкого абвера, положил на стол перед фюрером карту, которая не оставляла сомнения в размахе развертывания союзнических войск противника вдоль бельгийской границы, и наступление – как и не раз до этого, – вновь было отложено. Так было в декабре, январе, марте, а упомянутое послезавтра было 10 мая.

9 мая 1940 года, 18.15. «Лично командующему»

9 мая 1940 года на Дюссельдорфском аэродроме приземлился прилетевший с востока «хенкель-блиц». Из самолета вылез капитан, единственным багажом которого был портфель со стальными стенками и тремя замками. Все было подготовлено: капитан сел в заранее поданный автомобиль и поехал к дому, где располагалось командование 6-й армии. Там его принял сначала 1-й офицер Генерального штаба – начальник оперативного управления, а затем адъютант командующего майор фон Витерсгейм. Беседа была по-военному краткой и формальной.

Спустя четверть часа курьер передал привезенный портфель начальнику штаба 6-й армии генерал-майору Фридриху Паулюсу. Генерал спокойно взял портфель, но левая сторона его лица вздрагивала. Портфель казался тяжелым: его содержимое несло в себе бремя решений, имевших политическое значение для всего мира.

Часы жизни 6-й армии пробили первый удар, через тридцать четыре месяца срок действия их механизма закончится, но 9 мая этого не мог знать человек с тонкими чертами лица и золотыми дубовыми листьями в петлицах; он не знал также, что судьба избрала именно его для того, чтобы остановить биение сердец ста тысяч человек в огненно-ледяном аду.

Если бы провидение в тот день позволило ему заглянуть в будущее, некоторые его решения имели бы иной характер.

Генерал-майор Паулюс не мог также предвидеть, что начальник Главного штаба вермахта генерал-полковник Йодль в феврале 1946 года будет стоять в качестве обвиняемого перед Нюрнбергским международным военным трибуналом и скажет следующие слова: «Я глубоко сочувствую свидетелю генерал-фельдмаршалу Паулюсу, который не мог знать, что Гитлер считал его дело проигрышным с того момента, когда над Сталинградом начали бушевать метели».

В 19.15 Паулюс передал командующему генерал-полковнику Вальтеру фон Рейхенау в Парк-отеле дешифрованную радиограмму с приказом о нападении на Нидерланды.

Ключевым словом было «Данциг».

– Действуйте, – сказал Рейхенау и посмотрел на лежавшую перед ним книгу «Встреча с гением».

– Так точно, господин генерал-полковник. – Больше не было сказано ни слова.

Спустя четверть часа Паулюс нажал на легендарную

«красную кнопку», после срабатывания которой практически начались все боевые действия. Заработал аппарат по отдаче приказов.

Время пришло.

Но произошло еще кое-что, о чем никто не только не знал, но даже и не догадывался.

В четверг вечером нидерландский военный атташе в Берлине Якобус Зас встретился с высшим офицером абвера, который сообщил ему, что отданы приказы о наступлении на западе и что Гитлер отправляется на Западный фронт.

– Пока еще есть возможность того, что наступление будет отложено, – сказал полковник, – критический момент наступит в половине десятого; если к тому времени не будут отданы контрприказы, что-либо изменить уже будет невозможно.

Поздно вечером в тот же день, в то самое время, когда командование 6-й армии отдавало своим подразделениям приказы, нидерландский военный атташе стоял у бокового входа в здание Верховного главнокомандования вермахта на Бендлерштрассе в ожидании решения. Через двадцать минут оно ему было сообщено: «Мой дорогой друг, сейчас действительно все кончено, контрприказы не отданы, Гитлер уехал на Западный фронт. Надеюсь, что мы снова увидимся после этой войны». Майор Зас быстрым шагом направился к своей миссии, куда просил также прийти бельгийского военного атташе, чтобы передать ему полученное сообщение. Тот, в свою очередь, сразу же направился к телефону, чтобы сообщить в

Брюссель тревожную новость. Полчаса майор Зас ждал связи с военным министерством в Гааге, на том конце провода отозвался лейтенант флота 1-го класса Пост Уйтвер.

– Пост, вы ведь знаете мой голос, не так ли? Я Зас, нахожусь в Берлине. Должен вам сказать только одно: завтра утром на рассвете быть начеку. Вы понимаете меня? Повторите, пожалуйста.

Лейтенант Уйтвер повторил и под конец сказал:

– Письмо за номером 210 получено.

Это была закодированная договоренность между военным атташе и военным министерством: письмо 210 означало вражеское вторжение, а последние две цифры – дату наступления. Через полтора часа начальник нидерландского отдела зарубежной информации полковник ван де Пласше позвонил в Берлин и сказал с некоторым сомнением в голосе:

– Я получил от вас плохие известия об операции вашей жены, очень сожалею об этом. Вы проконсультировались с врачами?

И майор Зас ответил с негодованием по открытой линии:

– Я не понимаю, почему вы меня беспокоите при данных обстоятельствах, я говорил со всеми врачами, операция начинается завтра на рассвете.

Подобные сомнения имели свою причину, так как донесения о немецких планах вторжения поступали уже три раза и каждый раз вслед за этим поступала информация о переносе сроков, поэтому в Нидерландах стали относиться к этому с

некоторым недоверием.

На этот раз дата была указана правильно.

Если бы эти события не произошли, то вечером того же дня могло насторожить другое обстоятельство, 9 мая сеансы в кинотеатрах и представления в театрах, находившихся в районе расположения армии, были прерваны. «Всем служащим вермахта прибыть в свои воинские части и дежурные подразделения», – звучал металлический голос в громкоговорителе.

Офицер разведки Генерального штаба чуть не упал со стула, когда услышал это сообщение (подобные действия не были на руку Верховному главнокомандованию); пространство до ближайших границ было заполнено тревогой наступающей грозы. «Какой идиот отдал это распоряжение?!» – Узнав об этом, командующий армии неистово застучал кулаками по столу в своей комнате в Парк-отеле.

Этот идиот не был найден, но теперь уже ничего не было удивительного в том, что на следующее утро в час «х» плюс пятнадцать минут, когда боевое соединение особого назначения 100, имевшее специальную задачу захватить мосты, увидело, как взлетают в воздух мосты через Маас прежде, чем к ним подошли инженерные войска.

С этого момента все шло по итоговой программе.

6-я армия оставалась в контакте с противником, пробила себе путь через Нидерланды, приняла 28 мая в Эвайе капитуляцию у бельгийской армии, помогла «привести в порядок

дела» под Дюнкерком и продвигалась в южном направлении, продолжая вести боевые действия вплоть до реки Луары. В течение нескольких недель в воздухе пахло порохом и свинцом.

После перемирия с Францией армия ждала в Бретани приказа о большом броске на английский остров. 6-й армии была поручена задача по левому флангу с полуострова Шербург перебраться на юго-западное побережье Англии.

Операция «Морской лев» была отложена. Полгода солдаты армии Рейхенау отдыхали: чинили обмундирование и подошвы своих сапог. В течение дня они занимались боевой подготовкой на коротко подстриженном газоне, а по вечерам пили шабли или божоле. Между делом писали письма по полевой почте или проматывали свое солдатское жалованье до последнего франка.

Между тем Рейхенау было присвоено звание генерал-фельдмаршала, и, когда весной дивизии отправились на восток, в Генеральном штабе и в низших подразделениях всем было ясно, что впереди предстояло еще немало событий.

В день нападения на Советский Союз 6-я армия переправилась через Буг, вместе с ней советскую границу перешли одиннадцать немецких армий. Один за другим 6-й армией были захвачены города Ровно, Житомир, Киев, Полтава и Харьков. Зимой 1941 года передовые части армии окопались вокруг Белгорода. Командование армии заняло квартиру в

тени колонн Красной площади в Полтаве.

До своего рокового города 6-й армии оставалось пятьсот километров.

«С вашей армией вы можете штурмовать небо», – сказал Гитлер

В декабре 1941 года Гитлер прибыл в Полтаву, на что были особые причины.

На севере группа армий «Центр» после неудавшейся попытки захватить Москву через Калинин и Калугу была рассечена мощными ударами русских сил, на юге 1-я танковая армия захватила Ростов, но спустя двадцать четыре часа вновь сдала его и отступила сначала за участок фронта в районе Туслова. После этого правый фланг группы армий «Юг» под сильным натиском советских частей был вынужден отступить до Таганрога, где вел ожесточенные оборонительные бои.

Гитлер, пустив в ход все свое красноречие, попытался уговорить генерал-фельдмаршала вновь перейти в наступление, однако фон Рейхенау отказался, сославшись на события на севере и юге:

– Армия будет удерживать свои позиции, мой фюрер, и не допустит каких-либо попыток прорыва войск противника.

Гитлер попытался еще раз уговорить фон Рейхенау, в результате чего тот ему ответил:

– Если вы прикажете, мой фюрер, 6-я армия выступит маршем, но не под моим командованием.

Гитлер удивленно посмотрел на Рейхенау, обошел вокруг стола и, подойдя к нему, сказал:

– С вашей армией вы можете штурмовать небо, я не понимаю ваших сомнений и не разделяю их.

Командующий армией был спокоен. Он вставил монокль в глаз, поднял свой бокал с вином и слегка поклонился:

– Надеюсь, что это лишь временно, мой фюрер.

Под этим подразумевались штурм неба и сомнения.

Гитлер очень строго посмотрел на Рейхенау и сказал:

– Это может привести к трагической ситуации, которая серьезно осложнила бы наши отношения, если вы ошибаетесь. Вы понимаете, что я имею в виду, Рейхенау?

Рейхенау понимал, однако в его решении оставаться на месте с 6-й армией ничего не изменилось. Прорехи на фронте были залатаны, фланги 6-й армии предотвратили катастрофу на севере и поражение на юге.

Рейхенау оказался прав.

Незадолго до Рождества командующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал фон Браухич разыскивал командование армии, так как фельдмаршал фон Рундштедт послал Гитлеру телеграмму, в которой просил его дать разрешение на отступление на Миусский участок, при этом он добавил, что в случае отказа он просил бы фюрера назначить кого-либо другого командующим группой армий «Юг».

Спустя два дня после отъезда командующего сухопутными войсками генерал-фельдмаршал фон Рундштедт вылетел во Францию, чтобы «на некоторое время немного отдохнуть», вместо него командование принял фельдмаршал фон Рейхенау. Первым самостоятельным действием фон Рейхенау в качестве командующего сухопутными войсками был самовольный отвод линии фронта на Миусский участок, о чем он сообщил в ставку фюрера.

Генерал-лейтенант Паулюс – с августа 1940 года 1-й квартирмейстер Генерального штаба сухопутных войск – по желанию Рейхенау стал командующим его прежней армией. Начальником Генерального штаба стал полковник Гейм.

17 января 1942 года генерал-фельдмаршал фон Рейхенау скончался в Полтаве, благодаря чему ему не пришлось пережить трагический конец своей армии.

Командование группой армий «Юг» принял генерал-фельдмаршал фон Бок. В течение трех месяцев командующие менялись трижды.

В первые месяцы 1942 года Красная армия пыталась разорвать немецкий фронт, однако эти попытки окончились неудачей. Кроме того, благодаря удачным ответным операциям удалось изменить существовавшее тогда угрожающее положение и добиться значительных побед.

Так, во время весеннего сражения в районе Изюма были окружены и разбиты три армии Тимошенко, разорвано окружение немецких войск под Холмом и Демьянском, окружена

и измотана армия генерала Власова, защищавшего Москву.

В лице полковника Шмидта 6-я армия приобрела нового начальника Генерального штаба. В июне 1942 года Шмидт стал генерал-майором, в Сталинградском котле получил звание генерал-лейтенанта, а позднее – генерала. Полковник Гейм был произведен в чин генерал-майора и получил 14-ю танковую дивизию. Осенью он принял командование 48-м танковым корпусом. Группа армий «Юг» была разделена на группы армий «А» и «Б».

28 июня началось немецкое наступление. Сначала выступила группа армий «Б» из района Курска и через 8 дней – восточнее Харькова. Спустя десять дней к наступлению перешла группа армий «А».

В течение лета группа армий «А» вместе с 17-й армией и 1-й танковой армией подошла к перевалам Западного и Центрального Кавказа. Командование Красной армии ловко отвело свои войска от немецкого наступления в глубь района, и только под Воронежем советские войска оказали решительное сопротивление. Район Ворошиловграда также был сдан без серьезных боев. 6-я армия сравнительно легко завладела большой излучиной Дона восточнее линии Ростов—Россошь и в сражении северо-западнее Калача окружила и разбила 1-ю танковую армию, а также большую часть 62-й Сибирской армии.

Свыше тысячи танков «Т-34» остались на дороге вдоль Дона.

Кроме того, не следует также забывать и о непрерывных местных тактических боях, проходивших как на юге, так и в районе расположения группы армий «Б». Громадные маршевые броски, лишения и болезни завершают картину сражений тех дней и недель.

В ходе летних операций требование Гитлера захватить Сталинград становилось все более настойчивым.

В распоряжении фюрера под № 45 от 2 июля 1942 года говорилось:

«Захватом Сталинграда планируется блокировать перешеек между Доном и Волгой, а также саму Волгу, после чего подготовить мобильные соединения в районе нижнего течения Волги, которые должны также блокировать Волгу под Астраханью».

Москву взять не удалось, но немецкие войска стояли вплотную у Ленинграда, и теперь должен был пасть город Сталина.

В следующей главе, посвященной операции «Блау», приводится подробное описание ситуации, как ее видел тогдашний руководитель группы «Восток» в оперативном отделе Генерального штаба сухопутных войск подполковник граф Кильманнсэгг.

Приказ ставки фюрера: «6-й армии захватить Сталинград»

Решение о проведении операции «Блау» было принято весной, после того как прошли лютые зимние морозы и положение на Восточном фронте окончательно стабилизировалось; повторное мощное наступление русских в районе Харькова, имевшее вначале значительные успехи, в мае не только окончательно провалилось, но и обернулось для русских широкомасштабным поражением. При этом становилось ясно, что, несмотря на запланированное использование мощных сил союзников, управление войсками, похоже, уже не в состоянии начать наступление по всему фронту от Черного до Балтийского моря, как в предыдущем году. Предметом обсуждения оставался тот же самый вопрос, что и в 1941 году, а именно вопрос о крупных сражениях в приграничных районах. Как и с какой целью следовало осуществлять наступление? И вновь решение Гитлера о наступлении касалось южного района России по направлению к Москве в силу изменившейся ситуации и довольно веских на то аргументов.

Удар по Москве предоставлял возможность разбить основные силы русских, которые наверняка держали их наготове для обороны столицы, и не столько потому, что это была столица, сколько из-за чрезвычайной важности данного участка в отношении всего советского транспорта и связи к

западу от Урала. Экономическое значение данного района было явно меньше. Решение вопроса о Москве можно было рассматривать как «военное решение», так как солдат, если он мыслит логически, всегда будет думать о том, что разгром основных вражеских сил автоматически принесет ему, может быть не сразу, экономический успех: если вражеские войска уже разбиты или существуют в незначительном количестве, важный с экономической точки зрения район рано или поздно наверняка окажется в его руках, даже если он не участвует непосредственно в боевых действиях по захвату данного района.

Захват Сталинграда и Кавказа, напротив, означал решение вопросов в первую очередь экономического и политического характера, что позволяло надеяться путем разгрома основной промышленной и продовольственной базы противника нанести его военному потенциалу такой удар, что его еще достаточно сильные вооруженные силы, находящиеся на фронте, окажутся бесполезными. В размышлениях Гитлера фигурировали такие ключевые слова, как украинские зерно и скот, уголь и железо Донца, нефть Кавказа, блокирование Волги, захват Турции и, как конечная цель, выход к Ближнему Востоку, являющемуся источником нефти для английского флота и одновременно перешейком, ведущим в Индию.

Экономически обусловленная стратегия действует более надежно и смертоносно, но медленно, поэтому тот, кто ее

использует, должен быть сам экономически сильным, иметь достаточно времени и большую выдержку. Все эти три фактора у Германии отсутствовали, а если и были, то в недостаточной степени. Сила же и превосходство рейха заключались в его военных возможностях, позволявших осуществлять наступление. С материальной и моральной точки зрения Германия была еще настолько сильна, что даже зимний кризис смог парализовать ее оперативные действия лишь на короткое время.

Даже если начальнику Генерального штаба генерал-полковнику Хадлеру «московское решение» было больше по душе, он считал себя не вправе игнорировать экономический и политический аспекты, и, хотя он и выступил против «южного решения», у него при этом не было каких-либо принципиальных возражений. Вопрос принятия решения был, без сомнения, очень важным и сложным, и оно было принято Гитлером в пользу Сталинграда с последующей перспективой удара по Кавказу.

Операция «Блау» предусматривала наступление с направлением главного удара по левому флангу на южном участке Восточного фронта, проходившего, грубо говоря, от Таганрога на Азовском море в северо-западном направлении. Осуществление этого плана было возложено на две группы армий: справа группа армий «А» (17-я армия и 1-я танковая армия), слева группа армий «Б» (4-я танковая армия, 6-я и 4-я армии). За ними следовали широким фронтом передо-

вые части четырех армий союзников, а именно: двух румынских, итальянской и венгерской армий. Главная задача была возложена на северную группу армий под командованием фельдмаршала Бока, а в ее рамках – опять-таки на 6-ю армию. Планом было предусмотрено наступать, прорываясь, по северному флангу в районе Воронежа, затем, поворачивая по ходу течения Дона, служившего в качестве фланговой защиты, достигнуть Волги по обеим сторонам Сталинграда и далее – низовьев Дона.

Так выглядел план наступления. Удар по Кавказу был также предусмотрен, но не включен окончательно в план первичного продвижения на юг. Не исключалось, что непосредственное наступление к горам Кавказа могло начаться лишь весной 1943 года, то есть при данном расчете реально оценивались возможности немецкой армии.

Часто и не без основания ставился вопрос, почему армии союзников, с военной точки зрения, без сомнения, значительно более слабые, использовались как замкнутые армейские соединения, к тому же рядом друг с другом, и не имели в своем составе немецких подразделений, как того требовало правило ведения многонациональных войн. На то имелись политические причины, прежде всего из-за Антонеску и Муссолини, выдвинувших использование своих армий как замкнутых соединений в качестве основного условия их участия в боевых действиях на столь отдаленных участках фронта. Не говоря о том, что немецкая армия ока-

залась в довольно стесненном положении из-за большой потребности в боевых силах, необходимых для заполнения громадного пространства, немецкие войска, без сомнения, шли на определенный риск из-за армий союзников, так как последние, за исключением немногих соединений, не должны были принимать непосредственного участия в наступательном ударе, а идти за основными силами. Их задача заключалась в том, чтобы со свежими силами подойти к Дону, представлявшему серьезную естественную преграду. Кроме того, предусматривалось за армиями союзников расставить достаточное количество надежных немецких дивизий в виде нитки жемчуга, способных противодействовать противнику при его контрнаступлении.

И наконец, еще до начала операции была переоценена боеспособность дивизий союзников. Причиной был факт, что до того времени Румыния, Венгрия и Италия выступали в восточном регионе боевых действий лишь немногими соединениями в виде экспедиционных корпусов, которые относительно неплохо воевали, прежде всего это касалось румынских частей. Несмотря на это, принцип использования смешанных соединений был бы лучше, к чему, собственно, и стремилось Верховное командование сухопутных войск, однако осуществить этот принцип все же не удалось. Даже позднее, после того, как армии союзников Германии были разбиты, сделать это удалось лишь в некоторых местах, что постоянно сопровождалось большими трудностями: ита-

льянцы полностью исчезли с Восточного фронта, венгерские соединения более не использовались в боевых действиях, по крайней мере, до тех пор, пока линия фронта не подступила к границам Венгрии, и лишь румынские войска остались на фронте.

Приблизительно за десять дней до запланированного срока наступления (18 июня) – с тактической и снабженческой точек зрения выступление было почти готово – 1-й офицер штаба, начальник оперативного управления 23-й танковой дивизии, которая должна была вести боевые действия на участке основного прорыва западнее Воронежа, вылетел на «шторхе» в сторону фронта, чтобы произвести воздушную разведку района исходных позиций для своей дивизии. В его портфеле (который он захватил с собой, что противоречило инструкциям) находились все документы с приказами по дивизии. Над незнакомой территорией летчик заблудился, самолет стал приближаться к линии фронта и в непосредственной близости от нее был сбит на никому не принадлежащей земле. К месту падения сразу же была отправлена поисковая группа. Добравшись до самолета, она не обнаружила ни пилота, ни офицера штаба, ни его бумаг, не были также обнаружены какие-либо следы, свидетельствовавшие о гибели того и другого. Дополнительная проверка содержания пропавших бумаг с приказами по дивизии показала, что они довольно подробно (в чем не было необходимости) касались крупных оперативных планов, так что русские, попади в их

руки данные документы, сразу могли бы понять, что здесь планировалось крупное решительное наступление.

Ситуация по своему фатальному значению была такой же, как в 1940 году, когда план западного наступления оказался в руках бельгийских военных. Тогда можно было себе позволить отложить наступление и через некоторое время совершить новый марш-бросок, но в России приближавшийся конец лета не позволял это сделать. Перед немецким командованием, таким образом, стояла неприятная дилемма: или отказаться от проведения операции и тем самым передать инициативу русским, как в 1942 году, или провести операцию в соответствии с намеченным планом, но при этом потерять чрезвычайно важный фактор неожиданности. Согласовав данный вопрос с начальником Генерального штаба, Гитлер принял решение о начале наступления в соответствии с планом. В качестве обманного маневра за неделю до основного наступления приблизительно в центре участка было проведено лишь ограниченное частичное наступление, которое органически вписывалось в общий план всей операции.

С немецкой стороны ни у кого не было ясного представления о том, что же русские на самом деле знали и собирались предпринять. Появились, правда, различные данные, свидетельствовавшие о том, что, по крайней мере, до неудавшегося полета русские рассчитывали на то, что удар будет произведен в районе западнее Воронежа и затем наступление будет повернуто на север, то есть на Москву. Похоже, что рус-

ские ожидали, как это было сказано ранее, «военного решения» вопроса о направлении наступления, чему соответствовали их оборонительные действия.

Соппротивление под Воронежем было ожесточенным, и русские пытались во что бы то ни стало воспрепятствовать прорыву на данном участке. После того как им это не удалось, сопротивление стало значительно ослабевать по мере того, как немецкое наступление расширялось на южном направлении.

В течение первых трех недель темп продвижения наступавших частей оказался таким быстрым, что были опережены все расчетные сроки. Может прозвучать странно, но именно из-за этого сложно было иметь ясную картину о войсках противника. Возникали разноречивые мнения. Быстрый отход, сопровождавшийся ожесточенными боями стойких частей арьергарда, мог иметь различные причины:

1. Русские были разбиты, однако это явно относилось лишь к участку фронта под Воронежем. В целом против подобной точки зрения говорили немногие пленные, а также малочисленные трофеи.

2. На Южном фронте позиции русских были очень слабы, так как основные силы они сосредоточили в районе Москвы для ее обороны. Переброска значительной части войск из Московского региона на Южный фронт была невозможна из-за нехватки времени, поскольку западнее Дона уже не было железнодорожных линий в их распоряжении.

3. Как бы ни были сильны или слабы позиции русских на южном участке фронта, после неудавшейся обороны под Воронежем их войска осуществляли планомерное, широкомасштабное отступление за Дон и Волгу.

Поскольку главное командование сухопутных войск не имело ясного представления о положении в войсках противника и его планах, начальник Генерального штаба сухопутных войск направил во второй половине июля начальника оперативного управления графа фон Кильманнсэгга в район армий и дивизий, готовившихся к наступлению, чтобы иметь представление о ситуации в прифронтовой зоне. По возвращении граф Кильманнсэгг сообщил начальнику Генерального штаба о своих впечатлениях, а именно: на двух третях фронта русские войска отсутствовали. Из этого можно было сделать два вывода: или русские отступили, с учетом более мощных сил противника на юге, и приходилось думать о том, что встреча с ними где-нибудь и когда-нибудь будет неизбежна, или же у них действительно на данном участке было мало сил.

В этом случае у русских должны были быть наготове более крупные силы, которые в какой-либо момент и в каком-либо месте могли появиться на арене боевых действий. Это означало, что, несмотря на грандиозный успех, мы не должны были ставить перед собой слишком большие цели, чтобы в случае контрмер русских не уступать им в силе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.